

Они не считают детей людьми, а лишь своей собственностью.

Но нельзя говорить так категорично. Если их дети сбиваются с пути и совершают аморальные поступки, даже самые терпеливые родители, вероятно, не смогут сдержаться.

По крайней мере, Янь Сюй так считал.

Если бы Сяо Дуньэр и Дань-Дань в будущем стали плохими оборотнями, Янь Сюй, вероятно, тоже не смог бы просто отпустить это.

Янь Сюй не стал требовать компенсации от семьи Цзян. Он отвел Сяо Дуньэра в ближайший магазин на том же этаже, купил спирт для дезинфекции и бинты, чтобы перевязать рану. К сожалению, Янь Сюй не был мастером в этом деле, и хотя рана была небольшой, после его обработки она выглядела так, будто Сяо Дуньэр только что вышел из реанимации.

— Вы не пошли поесть? — Янь Сюй увидел Цзин Цичэня и Дань-Даня, ожидающих у входа в здание. Дань-Дань сидел на шее Цзин Цичэня, а увидев папу и старшего брата, спрыгнул и побежал к Сяо Дуньэру.

Вероятно, рана была обработана настолько устрашающе, что Дань-Дань даже не осмелился прикоснуться к старшему брату, только легонько подул на рану, тихо сказав:

— Дуй-дуй, Дань-Дань дует, боль улетает.

Сяо Дуньэр, увидев Дань-Даня, наконец очнулся. Ему, казалось, стало стыдно за то, что он, будучи мужчиной, оказался таким слабым. Он взял Дань-Даня за руку, похлопал себя по груди и твёрдо сказал:

— Брату не больно! Брат — мужчина!

— Мужчина! — Дань-Дань смотрел на Сяо Дуньэра снизу вверх, его глаза сияли, как звёзды, полные восхищения.

Цзин Цичэнь покачал головой:

— Дань-Дань беспокоился, сказал, что пойдёт есть только после того, как вы выйдете.

Дань-Дань подтвердительно кивнул.

Вечером они пошли есть самовар, но это был деревенский вариант, с кукурузными лепёшками, лепёшками из муки грубого помола и пампушками. Оба ребёнка ели с удовольствием. Дань-Дань, несмотря на то что слёзы текли от остроты, продолжал есть, особенно мясо, почти не трогая овощи.

Цзин Цичэнь даже начал сомневаться, не мутировал ли Дань-Дань, ведь его привычки в еде и образ жизни совсем не походили на феникса.

Кто бы мог подумать, что феникс будет уплетать самовар? Да ещё и без мяса не может?

Дань-Дань всё время плакал, но как только Янь Сюй убирал его миску, он хватал папу за подол, требуя вернуть её.

Сяо Дуньэр почти не ел из острого котла, он боялся остроты, поэтому выбирал овощи и лапшу из супового котла. В отличие от лепёшек из муки грубого помола и пампушек, он явно предпочитал кукурузные лепёшки.

После ужина уже совсем стемнело, и уличные фонари зажглись. Фонари в этом городе были сделаны в виде фонариков, соединённых между собой маленькими фонарями. Иногда, когда ветер был сильнее, фонарики слегка раскачивались. Это было одной из достопримечательностей города. На площади развернулись лотки с шашлыками и закусками, ароматы которых разносились вокруг.

Местные жители, прогуливающиеся вечером, собирались группами, чтобы выпить пива и поболтать, создавая оживлённую атмосферу.

Уже сытые Дань-Дань и Сяо Дуньэр, почувствовав запахи, одновременно уставились на Цзин Цичэня своими большими глазами. Детская интуиция всегда точна, они чувствовали, что Цзин Цичэнь был более сговорчивым, чем Янь Сюй.

И действительно, Цзин Цичэнь продержался всего пять секунд, прежде чем сдаться:

— Ладно, идите, скажите, что хотите.

Янь Сюй вздохнул:

— Не балуй их слишком, ночью переедание вредно.

— Переварится! — настаивал Дань-Дань. — Папа, Дань-Дань переварит!

Сяо Дуньэр тоже поддержал:

— Я тоже переварю! Я могу много съесть!

В итоге Янь Сюй мог только наблюдать, как Дань-Дань и Сяо Дуньэр, держась за руки, пошли покупать закуски или стояли у лотка с шашлыками, проверяя свои маленькие кошельки, в которых лежали карманные деньги, которые Янь Сюй иногда давал им. Денег накопилось немало.

Для детей это было целое состояние.

Цзин Цичэнь и Янь Сюй шли за ними по пятам.

— Я куплю воду, присмотри за ними, — сказал Янь Сюй Цзин Цичэню и направился в ближайший чайный магазин за водой.

Цзин Цичэнь кивнул. Он держался на некотором расстоянии от детей, хотя Янь Сюй просил его присмотреть за ними. Но он хотел посмотреть, как они поведут себя, если столкнутся с опасностью или незнакомыми людьми. Для оборотней наивность — не лучшая черта.

Ночной рынок был шумным, люди толпились, и всегда находились те, кто хотел поживиться за чужой счёт. Воры осторожно пробирались через толпу, а пьяные, шатающиеся люди были идеальной мишенью. Но кроме воров, здесь были и те, кто занимался более тёмными делами.

Например, женщина, стоящая на углу, — ей было около пятидесяти, но выглядела она на семьдесят. Она казалась добродушной старушкой, с изогнутыми бровями, словно наслаждалась прохладой. В руках она держала веер, была одета просто, казалось, что её семья небогата, на одежде были заплатки. Но если присмотреться, длинные рукава скрывали золотую цепочку на запястье.

— Сестра Чжан, сегодня ещё не открыла своё дело? — к ней подошла женщина средних лет, одетая почти так же, они были похожи на сестёр-близнецов.

Та, кого называли сестрой Чжан, ответила:

— Видишь тех двух детей? Одну я не удержу, поделюсь с тобой, не говори, что я не делюсь удачей.

— Я возьму маленького, — торговалась женщина.

Сестра Чжан нахмурилась:

— Сестра Ян, не зарывайся. Бери, что дают, я первая заметила, значит, первой выбираю.

Старуха Ян плюнула на землю, и её добродушное выражение лица мгновенно исчезло, сменившись злобой:

— Ладно!

Дань-Дань, пуская слюни, наблюдал, как продавец жарил шашлыки. Продавец был из национального меньшинства и говорил по-китайски только простые фразы. Если местные говорили слишком тихо, он даже не понимал их, но был очень терпелив. Когда пьяные скандалили из-за нескольких юаней, он не спорил.

— Сколько шашлыков? — спросил продавец ребёнка, удивляясь, почему такой маленький ребёнок оказался на ночном рынке один. Родители, видимо, были беспечны. Он неуверенно произнёс:

— Где твои родители?

Дань-Дань в этот момент видел только мясо. Он показал три пальца, растерянно сказав:

— Дань-Дань хочет пять шашлыков!

Наверное, родители где-то рядом, может, через пару минут появятся. Продавец краем глаза следил за Дань-Данем, капля пота упала на землю. Когда он снова поднял голову, то увидел, как старуха обхватила ребёнка руками, собираясь унести его.

— Эй! — крикнул продавец. — Кто вы этому ребёнку?

Старуха Чжан на мгновение замерла, но быстро оправилась. Она наклонилась, прижала Дань-Даня к себе, одной рукой крепко зажав ему рот. Её хватка была сильной, а из-за шума вокруг продавец не услышал подавленных звуков и борьбы Дань-Даня.

— Это мой внук, я его вывела погулять, а он отстал, — сказала старуха, отступая. — Я сейчас заберу его.

Сказав это, прежде чем продавец успел среагировать, она с силой, не свойственной пожилым людям, бросилась вперёд, как леопард, увидевший добычу.

Наконец, оказавшись в безлюдном месте, старуха Чжан почувствовала усталость, но всё ещё крепко держала запястье Дань-Даня.

— Бабушка, зачем ты меня сюда привела? — Дань-Дань грыз ногти, словно тот факт, что взрослый человек изо всех сил зажимал ему рот, не причинил ему никакого вреда.

Однако старуха Чжан тоже ничего не заподозрила, ведь дети наивны и часто не понимают, что такое страх. Она присела и улыбнулась:

— Бабушка отведёт тебя покушать.

— Я только что купил пять шашлыков, ещё не съел, — Дань-Дань рассердился. Папа наконец разрешил ему есть шашлыки, а они так вкусно пахли!

Кстати.

Дань-Дань оглянулся:

— Где мой папа?

Старуха Чжан улыбнулась, обнажив жёлтые зубы. Теперь она знала, как зовут ребёнка, а имя всегда помогало контролировать детей:

— Дань-Дань, я подруга твоего папы. Он пошёл за покупками, а я должна отвести тебя домой, чтобы ты не встретил плохих людей.

— Некоторые плохие люди очень злые, они не дают Дань-Даню есть, не дают пить, — старуха запугивала Дань-Даня.

В конце концов, у неё уже не было сил, и она надеялась, что ребёнок сам пойдёт с ней.

<http://bllate.org/book/15574/1386863>